

Клеши на свадьбу

Закончилась война. Одна из ее особенностей — поколение с просроченным супружеством. Поэтому демобилизованные солдаты сразу же приступали к обустройству своей мирной жизни, заводили семьи. Свадьбы были не такие пышные, как теперь, чаще всего ограничивались присутствием родственников. Во всем — бедность...

Завел себе девушку и я. Звали ее Соней. Жили мы тогда с мамашей в небольшом районном городке, где я не сразу-таки хотел расстаться с холостяцкой жизнью. Но мамаша взмолилась: «Женился бы ты, сынок, устала я за годы войны...» И я решил: «Женюсь!»

При встрече я сообщил Соне о своем намерении. Она пообещала завтра вечером во время ужина, когда вся семья будет в сборе, спросить разрешения родителей. Это сегодня дети вершат свои судьбы, не удосуживаясь подчас спросить благословения на брак.

Я знал, что семья Сони ужинает в сенах на полу. Как раз над сенцами расположен лаз на чердак. Мне не терпелось узнать, что скажут своей дочери родители, как они будут отзываться о женихе. И решил я устроить наблюдательный пункт...

В предвечернее время, когда родите-

ли Сони еще были на покосе своей луговой делянки, я без предупреждения Сони пролез незамеченным на чердак и удобно устроился над лазом, как раз над тем местом, где семья должна вечерять...

Вскоре послышался рев пригнанного стада, чуть позже во двор въехала телега и все наполнилось хозяйственной суетой. Управившись с делами, семья стала устраиваться на ужин. Подо мной замигала копилка. На пол в сенах расстелили скатерть, поставили одну деревянную чашку и деревянными ложками стали хлебать из нее варево. В нос ударил запах зажаренных галушек. Засосало под ложечкой. Готовили еду так: поджаривали на сковороде лук в жиру и выливали в сваренную пищу. Это был своего рода заменитель мяса.

Я весь превратился в слух. Ну, Соня, начинай обещанный разговор! Ложки стали уже ударяться о дно чашки, а разговор не было...

Тут я повернул голову. Из глубины чердачной темноты на меня смотрели два огненных глаза. Сразу вспомнил о том, что из приездежго зеринца пропал пятиметровый удав. Меня как ветром сдуло из наблюдательного пункта. Я свалился вниз прямо на чашку с галушками, копилка погасла. Ринулся в светлеющий дверной проем и — к забору. Дремавший у своей будки волкодав-цепняк от неожиданности утопил голову меж передних лап и прижал уши. Но лишь на миг. Он, видно, вспомнил о своем назначении — и я услышал позади себя звяканье цепи. Последовал рывок за мою клешину, и я провалился как в преисподнюю, обо что-то больно ударился и ненадолго потерял сознание. Очнувшись, ощутил себя среди какой-то слизи. Наверху выла собака...

Вскоре послышались шаги, мат вполголоса и громко:

— Сонька, ты почему не проветриваешь погреб?

Надо мной открылась крышка. В проеме

я увидел небо и догадался, где я. Летом всегда просушивали дворовые погреба, под крышки подставляли упоры из палок. Сбив такой упор, я и влетел в погреб, прихлопнувший меня крышкой.

Бока и спину давили черепки разбитой гончарной посуды, в которой хозяйка хранила молоко и сметану. Уже перед рассветом, когда на все живое находит липкая дрема, я вылез из своего «убежища» и пополз к саманному забору, перевалил через него и рванул по улочкам просыпающегося городка.

Мамаша ужаснулась при виде блудного сына. В молоке, сметане и земляной пыли я выглядел ужасно. А лицо напоминало пасхальное яйцо. Дня три я спасался примочками, а затем, чтобы не показываться людям на глаза, уехал в сенокосную бригаду. Через пару дней приехавшие возчики сена рассказали, что отец Сони привез попа и окропил дом и двор, изгоняя Сатану.

О женитьбе у меня мысль пропала. При ней я вздрагивал. Но жизнь есть жизнь, и, наконец, в ноябре у нас с Соней состоялась свадьба. Моя мамаша выпарила и вычистила клешу, а в место, вырванное собакой, вставила клин. Для симметрии вставила такой же клин в другую штанину. Лишней одежды у нас в то время не было...

Когда новоиспеченный тесть поднес нам с Соней по чарке вина на тарелочке, я увидел под ней аккуратно подостланную салфетку — лоскут моей клешины.

Под взглядом тестя я покраснел и опустил глаза...

ЧУЖАЯ ДВЕРЬ

Зимним вечером, когда вьюга воеет за окном, глубокой осенью, когда бесконечно и унывно дождит по стеклам — невольно прислушиваюсь: хлопнула дверь подъезда, быстрые легкие шаги по маршевой лестнице, звонок...

Опять в чужую дверь! Я давно заметил — соседи мои гостеприимны. То встречу белокурую девушку, воздушную в своем батистовом розовом платьице, порхающую со ступеньки на ступеньку, то элегантно, как восклицательный знак, мужчину, то полную даму, пышущую жаром и суетой июльского дня...

Но самое удивительное — гости идут, казалось бы, в самое неподходящее время: в ночь-заполночь, в морок и слякоть.

Кто же у меня по соседству живет? Старики, счастливые самым сокровенным богатством — взрослыми детьми, или молодожены, которым в радость принять друзей в новой квартире...

Мне почему-то видится артистка — молодая и красивая вольная женщина. И — «... веют деревянными поверьями ее упругие шелка, и шляпа с траурными перьями, и в кольцах узкая рука»... За стеной я часто слышу плеск гитары, высокий женский голос, поющий русские и цыганские романсы, смех детский, разговоры непонятные...

Хозяев я ни разу не видел, а вот с гостями этой квартиры уже здороваюсь. Идут они, поднимаются на третий этаж, с радостными лицами, с ожиданием чего-то, с нетерпением в глазах.

... Однажды, осенней тихой порою, я, подходя к своему дому, услышал музыку. Тяжелые кованые звуки медно бились о коробки многоэтажных зданий. У нашего подъезда — толпа. Сердце непроизвольно кольнуло...

Гроб уже вынесли — люди прощались.

Я подошел и увидел лицо женщины. Странно-знакомое лицо! По-мужски скуластое, оно, пожалуй, было чуть-чуть ироничным. Казалось, что покойницу смущает нелепый обряд прощания, громогласность музыки; спокойная уверенность губ, большой чистый лоб, прямой нос, подбородок с ямочкой...

Рядом с гробом на табуретке лежала черная бархатная подушечка, на которой покоилась скромного серебристого цвета медаль «За отвагу».

... Проходят дни, месяцы. Но в чужую дверь не стучат, не звонят. Не спешат в эту квартиру в непогоду, полночь. Там живут другие люди.

А мне порою бывает грустно от того, что я не постучал в свое время в эту дверь.

К. МАКАРОВ.

С ЛЮДЬМИ БЫВАЕТ ИНОГДА... Александр ЛОЗНЕВОЙ

Воробышек и воробей

— Ну-с, решено с профессией твоей, — сказал Воробышку папаша Воробей. — Вчера с директором уладил я прием: ты будешь... Соловьем! Взмолился серенький птенец: — Отец, боюсь тебя обеспокоить, но мне бы лучше гнезда строить.

— Ты что, не слушаешь отца? — шепталась мать. И со слезами: — Да он же из дому сошлет тебя, юнца, а я хочу, чтоб жил ты с нами.

Притих, смирился желторотый. Пошел учиться петь по нотам. Сидит, зевает на уроке, мечтает о далеком сроке, когда закончит курс наук...

И вдруг — экзамены. Пошла головомойка. Ни дать ни взять — ему выходит двойка. Но наш птенец не то, что там ворона! Он трубку снял — чирик по телефону. И важный папа тут как тут.

Его встречают, в канцелярию ведут. Лепечет завуч: «Распоется... оно, искусство, сразу не дается. А он у Вас и внешностью своей

такой же серенький... Ну, чем не Соловей!»

Потом Воробышку вручается диплом, и в жизни у него — большая перемена. Ну что ж, пора Воробышку на сцену...

И вот он в смокинг нарядился, выходит к рампе, поклонился. Гремит рояль, волнуя тысячи сердец, и начинает новоявленный певец.

Надулся, высунул язык, но вместо пенья... чирик-чирик! В набитом зале шум и крик, в партере, в ложах суета... Пустеют быстро все места. Лишь Воробышка с Воробьем сидят, поставив на своем.

Что так с Воробышком случилось — не беда.

С людьми бывает иногда.

Поэт и псевдоним

Жил-был поэт Викентий Ручеек. Его стихи — как жиденький чаек. Текли стихи, плескались, как вода, и пропадали без следа. «Вот странно, в чем же тут секрет?» — задумался поэт.

И вскоре, славою маним, решил, что надо выбрать псевдоним. Ну что такое — Ручеек? Так, ничего, на речку слабенький нарек. А он хотел бы стать рекою да такою, чтоб над рекой девятый вал и днем, и ночью бушевал. И стал подписываться: «Неман». А что ж читатель? Глух и нем он. И вновь поэт загоревал, десятки рек и речек перебрал. Днепровым, Волгиным, затем — Байкаловым назвался.

Но мелким ручейком так и остался.

Хамелеон

В районном клубе лектор выступал и, скажем прямо, всех очаровал. Он говорил не только языком, а руки, ноги — все было в ходу. Стучал, где надо, каблуком на радость людям, церкви — на беду. Он под орех разделал Бога,

коснулся Папы Римского немного. Сказал про местного попа, что голова у батюшки тупа. И кончил, как должно:

религия — дурман, душевный, так сказать, обман, Марихуаны гибельный туман. Идя же с лекцией домой, наш лектор встретил друга дорогого. А у него, у дорогого, да отмечалось Рождество Христово. Пил самогонку лектор, бражку пил. Христа по пьяной лавочке хвалил. Благодарил хозяйку за пирог, пенял милиции, что самогонщиков крутила в рог. Когда же гости стали расходиться и крестное знамение творить, то лектор тоже стал твориться, чтоб белою вороною не быть. А что от этого случится? Да ничего. Безбожник он.

А люди говорят — хамелеон.

Две кумы

Две крысы, две кумы на перекрестке повстречались. Обрадовались. Расцеловались. И повели душевный разговор: как много утекло воды с тех пор, когда они расстались. — Ну, как же ты живешь? — спросила Толстая кума. — Как детки? Как сама? — Ой, кумушка, не вижу я житья. Ни пици, ни питья... У нас на складе лишь один цемент. Тяжелый наступил момент. Еще б не так, когда бы не зима, а то... — и прослезилась Тощая кума. — Ну, полно, не горюй! — утешила Толстая. — Переходи в наш магазин. У нас тепло, уютно, сухо... Недели не прошло, как две кумы уже шныряли за прилавком магазина. Знакомая картина! То вдруг крупу подмочат, то сыр наполовину изгрызут. Подпишут акт — и так живут. Не только сами кушают и пьют, день ото дня жиреет вся крысиная родня. Толстеют даже добрые соседи. А ревизор по-прежнему... не едет.

Мне только вот сейчас пришло на ум, тот ревизор, наверно, тоже... кум.

Лисонька

Замужней Лисонька была и ничего себе жила. Но вот скандалить начала. Чуть свет она уже кричит на мужа: — Вот наконец тебя я поняла! С тобою жить — нет хуже! Ты скуп и глуп, и у тебя такие уши, что стыдно мне с тобой и по лесу пройти! С твоим характером... свиной пасти!

И до того однажды склоку довела, что плюнула на все семейные дела, хвостом махнула и... ушла. Под вечер Лисоньку заметил важный Волк. В чужих размолвах находил он толк. Живет Лиса в его дому: так — ни служанка, ни жена ему. Одно лишь знает: ест и спит.

— Ты что же, — он ей говорит. — Выходит, я тебя кормить обязан? Да я и так трех жен кормлю по Львиному указу!

— Ах, так! — вскипела Лисонька. Завыла, завизжала... Но через час уже другого повстречала. — Ну что ж такого, что Медведь? Вот бы такого мужа заиметь! И шуба у него, и личная берлога... Ах, Мишенька!..

И Миша был растроган. Три дня дружил с молоденькой Лисой, в глаза глядел. Куски ей лучшие давал и сам того не ел. А на четвертый — сам не свой. Захныкал, впал в тоску. Так, мол, и так, жена пока что в отпуску.

Но срок уж недалек... Ты понимаешь, милая, нарек? Тут что-то сделалось с Лисой — рванулась и — бегом домой! Семь дней в пути была и к мужу вновь пришла... Завыла, заскулила: — Ах, дорогой, чтоб я — да разлюбила?!

Ах, умник мой, да у тебя характер золотой!

Простак был муж — поверл он Лисе. Живет, бедняк, как белка в колесе.